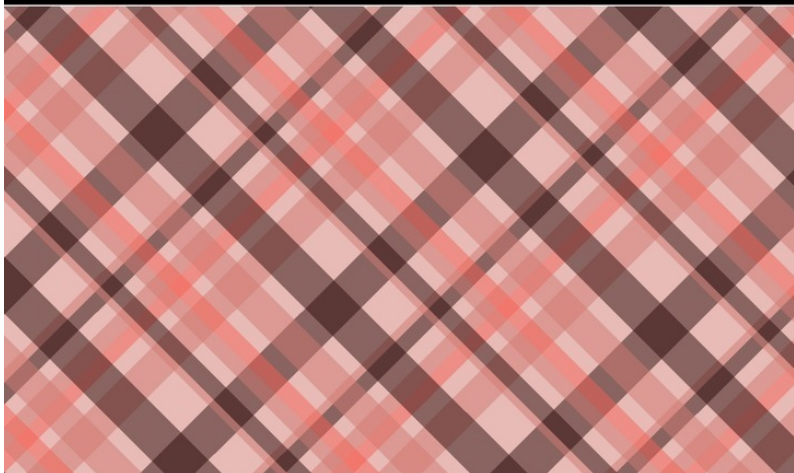

Ярослав Шумахер

*Фетиш
постмодерна*

Миниатюры, пьесы, стихи

Ярослав Сергеевич Шумахер

Фетиш постмодерна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713474

ISBN 9785447455620

Аннотация

«Фетиш постмодерна» – книга-посвящение авторам, с которыми завел тесное общение Ярослав Шумахер, публикуя свои произведения на портале stihi.ru с 2009 года. Также она отражает неуёмный дух модерна, на котором вырос Ярослав Шумахер. Книга во многом смелая и откровенная, даже бескомпромиссная, в ней переплетаются современные реалии и отголоски прошлых эпох.

Содержание

Миниатюры	5
Домик, в котором живет Берлиоз1	5
Лилит, я погиб	8
Штопор для лилит	12
Лилит, что с тобой ты костлява	14
Лил, мы отправляемся на поиски ортанза	21
Лил, я тебя боюсь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Фетиш постмодерна
Миниатюры, пьесы, стихи
Ярослав Сергеевич
Шумахер

© Ярослав Сергеевич Шумахер, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миниатюры

Домик, в котором живет Берлиоз¹

– Ты выглядишь усталой, Ли, ты чем-то расстроена или утомлена?

– Я? Нет, похоже, это ты все время о чем то думаешь, – она улыбается и проводит пальцем по лбу вниз к его переносице...

– Да... я просто подумал, что это путешествие совсем тебя утомило, ты можешь прилечь, а я схожу и раздобуду еды, надеюсь, этот отель регулярно пополняется свеженькими бифштексами, круассанами, маринованными ананасами, осьминогами... и яблочными пирогами, может быть, захватить тебе бутылку виски или джина, моя милая Ли-Лит?

– Может быть, ты скажешь все-таки, о чем ты думаешь и перестанешь поясничать, мой милый Гумбольд?

– Скажем ничего примечательного...

– И, что же ничего примечательное так тревожит Вас?.. – притягивает его за ворот рубашки к своим губам и кончику носа...

---

¹ Зд. и ниже миниатюры, посвященные Лил, Лилит (Фрау Лигейе), некая переключка с Набоковской «Лолитой» (прим. автора)

– Ли... я думаю о домике, в котором живет Берлиоз.

– Берлиоз? Это что шутка?.. Постой это тот самый Берлиоз...

– Нет, другой Берлиоз, мой Берлиоз самый прекрасный, самый счастливый и самый любимый Берлиоз... по утрам слушает Оззи Осборна, а по вечерам Вагнера, я хочу написать ему сонет.

– Хих... ты, по-моему, сошел с ума, Гуми! Тогда напиши ему о трамвае номер 6 и о подсолнечном масле, и об...

– Аннушке?.. Нет, он не употребляет подсолнечное масло в пищу, а трамваи... мой Берлиоз глух к трамваям, он включает по утрам Оззи Осборна, а по вечерам Вагнера, чтобы не слышать их шум.

– Нет, ты притащил меня сюда, чтобы думать о трамваях и домиках для Берлиоза?! Я задушу тебя щас...

– Ли-Лит, Ли-Лит! Откуда в тебе столько сил, я сдаюсь, смотри у меня белый флаг, у меня белый флаг.

– Ты невыносимый зануда, если ты будешь рисовать домики для Берлиозов, я сбегу к бармену от тебя, улизну как хитрая кошка, – она проводит по его груди острыми коготками.

– Ты только представь счастливый Берлиоз, Ли, у него свой домик, вокруг которого ездят трамваи, кошка и большой самовар, он приглашает нас в гости пить чай, а Ли-Лит, чай с облепиховым вареньем, нет, лучше, наверно, вишневым... ннет, вишневое тоже не подходит, я так люблю за-

пускать вишневые косточки куда ни попадя... малиновым вареньем. Мы беседуем о ценах на билеты на дирижабли, обсуждаем уход со сцены Мэрлин Монро... Ли, Ты спишь?

– Ли-Лит, если бы ты знала, как я люблю тебя такой, – он укрывает её и нежно проводит ладонью по её аккуратно причесанной головке.

– Мой прекрасный, мой любимый, мой счастливый Берлиоз – нет, это нужно записать где-нибудь, – он берет ручку с блокнотом и записывает.

14.10.2010

Лилит, я погиб

– Лилит, я погиб... погиб, – теперь ты будешь плясать на моей могилке, поросшей фиалками, со своими подружками... Мне больно, мне стыдно, Лилит... один, один твой поцелуй вернет меня к жизни.

– Какой ты подхалим, Гуми, и раб коленопреклоненный. Ты не получишь больше не единого поцелуя... И, вообще, как не пристыла тебе эта заученная роль? Я уже давно выросла из кукольного возраста, а ты все продолжаешь волочиться за каждой юбкой, изыскивая всевозможные способы произвести впечатление. На тебя жалко смотреть, – деловито отворачивается в сторону, вскидывает брови и кровоточит воздух алыми кистями в атласных перчатках.

– Что с тобой? Такую тираду услышать из уст моего возвышенно циничного ангела... Чем я мог заслужить это?

– Гуми, ты никого не видишь вокруг себя... одни позы, которые картонными реверансами шуршат по сукну игорного борделя твоей жизни, а ты с ослиным спокойствием продолжаешь гадать на кофейной гуще своего скверного прожектерского талантишки. Посмотри! В кого ты превратился, ты был настоящим львом, когда я тебя повстречала, а теперь ты похож на взнузданного платеро².

– Лилит! Тчерт, а ведь ты права. Пора положить конец

---

² ослик

этой драме (дрёме). Этой кисейной (китайской) метаморфозе... Однако, ты всегда была холодна ко мне; ты все считала игрой, фарсом, шаржем, разве нет? Чем бы я мог удивить тебя тогда и теперь, как мог пробиться чрез этот возвышенный циничный дендизм; неужели ты любила меня когда-нибудь?

– Гуми, ты так резко переключаешь лампочки на панели моих чувствительных приборов, что с тобой опасно выходить в открытый космос... Хи-хи.

– Да, только там преобладают два цвета – фиолетовый и пепельно голубой, в этом вся проблема.

– Хам... надоедливый старый трюфель, ты сам меня по-настоящему никогда не любил, я для тебя вычурное искусство на железном каблуке, а теперь тебе больно, потому что этот каблук вдавил тебя в асфальт твоей бедненькой жертвенной натурки.

– Я право не узнаю тебя, Лилит... и раньше, и теперь я искренне восхищался тобой; твои капризы, твой гнев, твоя экзальтированность трогали мое сердце и оно отзывалось тебе, может быть, глупо и наивно, но неподдельно и живо... сколько раз я с улыбкой сносил твои выходки, твои безумства... утешал и сокрушался, когда тебе было действительно нестерпимо больно, бинтовал твои кровоточащие раны, накладывал охлаждающие компрессы на твою ангельскую головку...

– Все! Ладно-ладно прекрати, Гуми, ты невыносим... Почему ты такой, ты все принимаешь за чистую монету, слов-

но ребенок, тебя ничего не стоит обвести вокруг пальца, понимаешь, стоит поманить зонтиком и ты как голый карпуз ползешь в указанном направлении. Гуми, тебе не хватает степенности, высокомерия даже, нельзя же быть таким простаком с женщинами.

– Ты теперь будешь меня учить, каким быть с женщинами?

– Да, Гуми, я буду твоим душевным лекарем и помощником, а то ты не ровен час соскользнешь в бездну.

– Лилит, спасибо... но если бы ты знала, как ранит меня твоя необузданная веселость, то, наверно, предпочла холодную невнимательность, относительно которой я уже давно выработал надежное средство в довесок к твоему бессердечию...

– Гуми, если бы ты знал, как меня тошнит от твоего пури-танского романтизма, то предпочел бы мою инфантильную всепрощающую веселость...

– Ты не терпишь мою слабость, Лилит... почему? Неужели я не имею права ошибиться, неужели я обязан нести бремя твоего идеала, о котором не имею ни малейшего представления? Лилит, посмотри на меня, ты ведь никогда меня не видела: на мне белые штаны, зеленая клетчатая рубашка с коротким рукавом, трость с изумрудным набалдашником, бежевые итальянские туфли и белый цилиндр... Хочешь, я буду Оскаром Уайльдом сегодня?

– Гуми... ты неподражаем!

– Просто пророни – да, Лилит.

– Да.

р.с.: Гуми, по-моему, ты сумасшедший...

– Однако, я этого не говорила, потому что ты ни капельки не похож на Оскара Уайльда...

– Но кто-то же отчетливо произнес – «да».

– Тебе послышалось, Гуми, он ничего не говорил, как видишь мой рот полон персидскими вишнями, а разве можно что-нибудь внятно произнести с набитым ртом?

– Ты хочешь сказать, мне это пригрезилось? Это метаморфозы?..

– Да, Гуми, поэтому я и предлагаю тебе свою помощь в качестве лекаря, как видишь, ты совсем сбрендил.

– Мне не нужен лекарь, Лилит, мне нужен единственный твой поцелуй и обещаю, больше ни тени меланхолии, мы отправимся с тобой на прогулку давить персидские вишни.

01.07.2011

Штопор для лилит

– Лилит, с некоторых пор я нахожу стих прочно закупоренным, подобно бутылке с изысканным вином, и тогда во мне просыпается инстинкт хирурга или даже мясника, моя горчинка... я...

– Хих, Гуми, ты как-то неестественно перескакиваешь с алкоголя к больничной койке и мясной лавке, ты, похоже, где-то подобрал эти поганые мыслишки... может быть, у Ювенала, или Тацита, или Думпедокла, хих, или, скорее всего, Нерваля, а теперь жалко пытаешься их присвоить себе.

– Что ты, клянусь, это все мое родное и нательное, мой железный неумолимый каблучок, ты вновь кощунственна со мной... Поэт как штопор для мозга и тела! А Лилит? Находишь соответствие?

– Возможно, но к тебе относится больше мясная лавка и изредка скальпель, которым ты неумело орудуешь...

– Моя дорогая вишневая головка, мой маленький горький персик, а разве я не разрезал филигранно твой нежный подетый пушком животик своим языком, разве не зашивал вновь ножевые раны склонений на твоих хрупких члениках, в паху, в груди, на ангельской шейке?

– Гуми, фу, какой ты садомадальный, измобруталый, прекрати, тебе это не идет... Научись владеть чем-нибудь

одним для начала, определенным, пусть это будет топор, или скальпель, или мачете (без ножен)...

– Да, мой ангел, пусть это будет мачете, я нарублю тебе сладкого тростника, устроимся поудобней и всю ночь проболтаем о латиноамериканских ядовитых лягушках или африканских смертельно опасных жабах; маракуйя нам будет Луной и папайя эликсиром...

– Гуми, как тебе шарнирная обаятельная каракатица на кожеце Лунной поверхности, молочный червь твоей пагоды, огненный хлыст ядовитой сороконожки на обглоданном ветрами бивне? Гуми продолжим игру в белых дикарей?

– О, да, дорогая смертельная рана, – сжимает руками её бедра и начинает откусывать серебряные пуговицы с её кашемировой блузки.

22.11.2011

Лилит, что с тобой ты костлява

– Лилит, не понимаю, что происходит, ты поедаетшь тонны пирожных, бифштексов, клубники, круассанов, пармезанов, жареных гребешков молоденьких петушков, рябчиков и слоеных пирогов, булочек с корицей и с джемом, балыков, буженин и их жен, сливок и мороженого, запеченых поросят и жареных ягнят и баранов, однако ты костлява, видит Бог, ты костлява, куда подеваются все эти калории, я ума не приложу, это прорва и порча какая-то, дорогая моя, что, что тебе принести покушать, в каком ресторанчике освеживать меню для тебя, жареная моя косточка, маленький мой флегматичный сырный шампиньон в оливковом масле...

(молчание затянувшееся скорбной паузой, готовое броситься наутек из глаз рыданием..)

– Ну, прекрати, что с тобой, может, я обезумел? Как излечить тебя, подскажи, я весь твой, бери мачете и руби меня на малюсенькие кусочки, зажаривай и ешь досыта...

(настороженный и все же потусторонне отрешенный взгляд...)

– Лилит, ты сама себя казнишь, пойми.

– Нет.. это ты меня казнишь, Гуми.. это ты совершенно забыл обо мне, тебе начхать, что я рядом с тобой вот уже два года.. и как законный результат пребывания в обществе нарциссизмо-эгоизма, я превращаюсь в костлявую тень...

– Лил.. я только о тебе и думаю... я думал о нас, да, эти переезды, ты утомилась, но раньше ты мне казалась такой бойкой, тебе все было нипочем, да, я, наверно, второсортный писателишка, мы вынуждены перебиваться на мои непостоянные заработки, колесить по дешевым мотелям, есть отвратительную мясную подметку, но что я могу поделать, мои пьесы не ставят ни в Руане, ни в Милане, ни в Мадриде, ни в Париже... они не доросли до моих пьес, а писать дешевки я не могу, Лил, ты же знаешь, как я тебя люблю, твои переводы безупречны, твой французский выше всяких похвал... Лил, столько кавалеров и богатых мсье вилось округ тебя, я не знаю, я теряю надежду, что когда-нибудь обеспечу наше с тобой будущее.. я предупреждал тебя, но ты была так упряма, так настойчива, а теперь ты воочию убедилась, чем полна эта беспечная непостоянная и унижительная жизнь разъезжих гастролеров, прости меня Лил..

– Гуми.. Гумбольд, что с тобой? Я никогда тебя таким не видела.. что это значит? Ты вдруг сдаешь? Пасуешь, как трусливый кролик уносишь ноги!? И это тебя я выбрала в спутники? И это ты называешь большой любовью?..

– Лил.. дорогая, все будет хорошо.. вот увидишь моя прелесть, мы отправимся в Лондон, в Лондон, моя ненаглядная вишневая головка. Только там, на родине Шекспира смогут оценить мои театральные постановки.. Лил, тебе необходимо прикупить платьев, такие помпезные, навьюченные фасоны там не в моде.. Король Артур, Робин Гуд, перчинка моя,

на этот раз все серьезно, как никогда, ну, ты же меня понимаешь?..

– Платьев?.. Что ты несешь? Нам нечего есть, нет денег на съедобную пищу, Гуми, ты в конец помешался на своих театральных постановках!!! И я доверилась тебе!! Как непробудимая покорная овца, я забросила переводы, я переводила и расшифровывала твои долбанные пьесы для кого? Для твердолобых обывателей из Монтгомери? Для друидов из Эссекса? Да, я тебя сейчас прикончу, старый зазнавшийся блудник!..

Лил пытается схватить полотенце и набросить на шею Гумбольда, чтобы увлечь его на койку и медленно задушить, однако Гуми, не желая погибать и вот так просто распрощаться с жизнью, отчаянно сопротивляется... Лил, чувствуя слабость от недоедания и недосыпания, медленно опадает на кровать, выпускает полотенце и обездвиженно лежит ничком, её голова повернута в профиль, бледность лица и остекленный бессилием взгляд довершают больничность минуты в тусклом гостиничном номере, и минута ползет сороконожкой по коже, словно холодный пот останавливается, и кусает глаза безбожием и невыразимой омерзительной всепанической подагрой, Гуми, словно вдруг проснувшись и отчаянно воспротивившись этой ситуации, мгновенно приходит в себя, сбрасывает пиджак и подхватывает Лилит на руки... «Сейчас, сейчас, моя дорогая, на воздух, в парк, это нервное истощение. Такси!!! Такси!!!» Гумбольд ловит ма-

шину. «Все будет хорошо. Все будет хорошо. Мне заплатили аванс. Завтра Мы будем в Лондоне. А сегодня ты будешь кушать, как английская королева, ангел мой, любовь моя, ты слышишь меня, ведь ты меня слышишь, правда?!»

Спустя несколько часов в номере мотеля...

– Что все таки произошло, Гуми? Обморок, я была в обмороке?..

– Тссссшшшшш, не говори так громко, моя маленькая фея, доктор сказал по возможности исключить эмоциональные всплески, громкую речь и побольше пребывать тебе в тепле и покое; фруктовые чаи с малиновым и абрикосовым вареньем для твоего сердечка, и еще парное мясо и бульоны.. шоколад, мороженое, спиртное придется исключить из меню пока..

– Гуми, я тебя таким вижу впервые, вернее, ты был один раз таким, когда забирал меня из детского дома... ты так напуган, правда? Какой-то обморок, я даже не успела ничего понять.. хих.

– Зато я теперь многое понял...

– Ты правда боишься? Неужели ты боишься меня потерять, Гуми?.. На тебя это совсем не похоже...

– Лил.. прости меня, прости меня (почти плача), все... все будет хорошо, мы поедем в Лондон, мой литературный агент все устроил, Джекобсон, помнишь Гарри?.. Неважно, ангел мой, успокойся, ты поправишься, ты просто устала, я позабочусь об этом...

– Гуми, я буду падать в обмороки каждый день, как я раньше до такого не додумалась, ими так пестрят пьесы... я их презирала, это же гениальный чисто женский прием и очень действенный маневр...

– Лил, ты должна прекратить теперь дурачиться, я не на шутку переволновался, может, это волны такие или час пик, я не знаю... мы летели сквозь пыль городских улочек... пока... потом... там в прохладе парка у воды.. Лил, я осознал, что никого так не любил, как тебя, что никого так не люблю, как тебя, и никогда не полюблю... один Бог или дьявол помнит, что слетало с моих губ... какие молитвы я ниспосылал всевышнему, чтобы ты пришла в себя, а неровная ниточка твоего пульса ожила. Лил, ты помнишь, как я целовал тебя, твою бледность, твои холодные виски? Лил... я чуть не лишился рассудка, пока ты спала...

– Я спала? Не знаю, Гуми, я, конечно, могу внять твоим словам, но я ничего этого не помню... Помню лишь, как провалилась в прохладное глубокое озеро, огромные кувшинки надо мной выстроились в загадочные переплетенья и закрыли солнечные лучи... я поплыла по песчаному дну вниз, дальше и дальше... пока течение не вынесло меня на берег, а там я услышала необыкновенные трели незнакомых птиц, песок такой нежный и мягкий, и еще так легко было дышать, так приятно было дышать, птицы пели и пели, на меня садились стрекозы и щекотали мне нос, я спала... а потом меня разбудил какой-то пес, он лизал и лизал мне лицо, губы,

щеки, лоб... я отворачивалась от него, но он вновь меня находил и продолжал лизать, а когда я открыла глаза никакого пса не оказалось, лишь ты, такой удрученный, такой понурый и несчастный, Гуми, вот, что я видела...

– Лил, отдыхай, пожалуйста, я принесу тебе чая, ты должна уснуть... завтра мы еще задержимся на денек, может быть, сходим вечером на пляж... Ты должна набраться сил и терпения. Все наладилось, верь мне, ангел мой, верь мне, я ЛЮБЛЮ тебя...

– Я хочу поехать в Лондон, Гуми, я хочу поехать в Лондон завтра же, я соскучилась по Гарри... кх... кхк.. орн... прж... ает

(Гуми осторожно зажимает ей ладонью рот и прикасается губами к её причесанному виску)

– Да... да... да, мы поедem в гости к Гарри, а теперь спи, моя золушка. Ааааа-уууу!!!

(Лил кусает его за палец, Гуми одергивает руку)

– Не называй меня золушкой!!! Терпеть не могу эту сказку...

– Ладно-ладно, моя вишневая косточка.. только успокойся же, наконец, и отдыхай, прошу тебя...

(Гуми, стоя на коленях, поправляет выбившиеся подушки и берет слегка остывший чай, чтобы передать его Лил.. она гладит его лицо, её глаза лучатся нежностью, они вот-вот подернутся приятной дымкой сонного забытья, но сначала она потянется к нему, чтобы поцеловать его неровную щеку,

что-то пробормотать на том интернатском наречии, которое Гуми так никогда и не усвоил... выпить послушно чай и потом уснуть ангельским сном).

26.04.2012

Лил, мы отправляемся на поиски ортанза

– Лил.. ты все еще здесь?

– Нет, я уже ушла, – голос из уборной (...)

– Лил, а Лил.. ведь осень вновь, и пора.. знаешь, мне в руку сегодня упал желтый лист, его подняло ветром с земли – так забавно, он ровненько лег в мою ладонь...

– Ты – счастливчик, Гум.. я это всегда знала.

– Я подумал, Лил, ты как-то упоминала об ортанзе, помнишь? Проклятые поэты...

– Нет, в последний раз ты отправился за золотым руном и я тебя не видела почти год.

– Лил, вишневый град косточек, не сравнится с твоей беспринципностью, ты обязана мне теперь помочь отыскать ортанз!!!

– Хих.. у тебя кризис или как тебя прикажешь понять?

– Мы возьмем лодку и спустимся по карельским рекам в обитель призрачной Туле! Я все придумал, у меня есть карта и руно...

– Что?! Ты сумасшедший, кормить комаров в Карелии?.. Нет, дорогой, это не для меня.. без горячего кофе, питаться рыбой и грибами, зажаренными на вертеле, хих...

– Лил, ты стала чересчур изнеженной – дорогие автомобили, рестораны и гламурные подонки, которые ни на что

не способны, кроме как отнимать у тебя драгоценное время, ты совсем забыла обо мне. Лил, мне очень трудно сейчас...

Она вышла из уборной в полупрозрачной накидке из органзы, белые лепестки ее конусообразных грудок собрали на себе небрежный каскад сиреневых завихрений, подведенные глаза и губы фиолетовыми тенями напоминали аметистовые россыпи на коже форели..

– Лил, что это, ты похожа на тихоокеанскую устрицу, побывавшую в пасти мурены.. ты собралась куда-то пойти в этом наряде?..

– Нет, я собралась сплясать в этом наряде на твоей могилке, поросшей фиалками...

– Это невообразимо оригинально, знаешь, ты будешь нарасхват среди зверски голодной птенчиково-пушечной братии.

– Не утрируй события, завистливый фетишист, я всего лишь экспериментирую с некоторыми идейными композициями.

– Лил..

– Молчи.. следующие слова мне известны..

– Правда?..

Он подхватывает ее и увлекает на мягкие матрасы роскошной кровати, простирающейся на долгие-долгие мили,

русла и рукава, с бесчисленными балдахинами греческих божеств и царственных животных.. и вот нескончаемая американская горка этой чудо-кровати все же замирает на краешках губ их затянувшегося поцелуя...

– Лил...

– Я знаю...

– Я никуда тебя не отпускаю...

– Ты же знаешь, я все равно уйду.

– Нет.. не уйдешь, не сегодня, а завтра мы отправимся на поиски органза.

– Ты решил меня скормить комарам или омарам, кому на этот раз?

Он лихорадочно целует ее нос, губы, лицо, глаза – он впивается в ее небо своим языком и уже ничто не может сдержать этого спрута страсти, этого змеино-кровавого ринга атлетических тел сотней гладиаторов, ламий, блудниц и метательниц дисков.. лил отрывается от него и начинает неистово хохотать, она заворачивает его голову в выбившуюся органзу и остатки ее запихивает ему в кратер рта, она прижимает его лицо к своей ангельски белоснежной груди.. и он начинает рыдать крокодильими слезами счастья и несбыточной радости.. рыдание преобразуется в рёв гризли, в вой волков и сирен, начинают дрожать и лопаться стекла в доме и сотни люстр падают с потолков, размельчаясь на тысячи хрустких хрустальных осколков... они катаются по этим

осколкам и плачут от счастья соития и причастности.

10.09.2013

Лил, я тебя боюсь

– Лил, я тебя боюсь.

– Вот еще... что за новости, – голос с кухни.

– Да, да, и страх этот барабанной дробью гонит мои мыслишки на улицу словно зеленый горох, и вот уже трамваи и ребягня давят их нещадно подошвами и полозьями, растаскивая зеленый жмых по тротуарам и мостовой.

– Что за тирады опять.. тебе плохо спалось.. зеленый горох.. хмм.. может быть, ты проголодался?

– Нет, Лилит, это ты стала походить на голодного гипнотически-мимикрически-кармически.. зверски голодного удава, я помню в одном мультике видел такого удава на охоте, про Маугли.. да, там был именно такой удав, Ка, его звали.. и вот своей пятнистой переливающейся змеиной кожей он гипнотизировал маленьких обезьян, чтобы потом съесть.. твой аватар прям копия головы этого удава, моя маленьк.. (фея хотел сказать Гум, но не успел договорить, потому как подушка накрыла его сверху и он оказался в искусственном вакууме, сделанном руками Лилит, которая подкралась незаметно сзади..)

– Ты с ума сошла! – заорал он, отрывая от лица подушку..

Сверкающие гневом глаза сверлили его сверху, сквозь искривленную прореху рта виднелись белые острые зубы и весь вид такой милой Лилит застыл в моменте броска к его шее.

– Ангел мой!! Анхел мой... Что с тобой?! Я... я, – стал жевать слова Гум.

Гум сделал жалостливые глаза и походил на бедного кролика, загнанного в угол.. он очень быстро проснулся и теперь только начинал включаться в происходящее..

– Лил.. я правда, боюсь тебя, дорогая.. твои игры меня стали беспокоить, – залепетал он.

Однако минутная агония закончилась и Лил, уже оправившись от приступа ярости, сама находя происходящее несколько комичным даже, присаживается сбоку на кровати и положив свою острую ладонь ему на грудь и осторожно поглаживая её говорит..

– Ты проголодался, дорогой, – таким паточно сладким голосом, от которого Гум невольно ежится под одеялом..

– Да.. то есть, нет.. Лил я.. можно я не буду завтракать, я хотел немного поваляться еще?..

– Что с тобой, мой крольчонок? Ты заболел? Тебе нужно лекарство? – вскинула одну бровь сестрица-манекенщица.

– Нет... все хорошо, правда, я здоров, просто хотел немножко пофантазировать, ну, ты ведь знаешь, я люблю фантазировать.. и вот утром фантазии всегда такие необычные – начал приходить в себя и успокаиваться Гумбольд.

– Фантазии?. Может быть тогда пофантазируем вместе? – деланно удивленно заговорила Лил, и на её лице проступила вуаль усталости и некоторой досады, что она в выигрышном положении, вдруг пошла на попятную.. решила уступить..

и вот хитрый крольчонок, почувствовав безопасность, того
и гляди сбежит от нее..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.